

DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.10

УДК 314.6; 314.372.43, ББК 60.7

© Камарова Т.А., Тонких Н.В., Маркова Т.Л.

Значимость финансовых стимулов в мотивации многодетности: опыт качественного исследования

**Татьяна Александровна
КАМАРОВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: kta@usue.ru

ORCID: 0000-0003-0087-9310; ResearcherID: ABC-9312-2021

**Наталья Владимировна
ТОНКИХ**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: tonkihvn@usue.ru

ORCID: 0000-0003-2957-7607; ResearcherID: O-9705-2018

**Татьяна Леонидовна
МАРКОВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: markova_tl@usue.ru

ORCID: 0000-0002-2520-6836; ResearcherID: ABC-7152-2021

Для цитирования: Камарова Т.А., Тонких Н.В., Маркова Т.Л. (2026). Значимость финансовых стимулов в мотивации многодетности: опыт качественного исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 172–190. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.10

For citation: Kamarova T.A., Tonkikh N.V., Markova T.L. (2026). The significance of financial incentives in the motivation for having a large family: A qualitative study. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 172–190. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.10

Аннотация. Цель исследования — выявление значимости финансовых мотивов среди мотивационно-ценностных ориентиров, определяющих решение людей о создании многодетной семьи. Эмпирической базой выступили фокус-групповые дискуссии с многодетными родителями из Екатеринбурга, разделёнными на две группы: поколение 1 (ставшие многодетными до введения материнского капитала в 2007 году; N = 14 чел.; 8 женщин и 6 мужчин) и поколение 2 (ставшие многодетными после 2007 года; N = 15 чел.; 8 женщин и 7 мужчин). Гайд включал вопросы о мотивации, драйверах создания многодетной семьи и влиянии финансовых факторов на репродуктивный выбор. Рабочая гипотеза предполагала, что внедрение материнского капитала трансформировало иерархию мотивов: для поколения 1 определяющими должны выступать социокультурные и ценностные основания, а для поколения 2 возрастает роль финансовых факторов при сохранении значимости ценностно-нормативных установок. Результаты показали, что мотивация к многодетности обусловлена преимущественно ценностно-нормативными установками и социально-реляционными драйверами, а не ориентацией на финансовые выгоды от государственной поддержки. У обоих поколений выявлен схожий набор ключевых мотивов: интенциональная установка на многодетность; влияние позитивных образцов многодетности в старших поколениях; стремление к созданию семьи; ожидание взаимной опоры братьев и сестёр для детей. Межпоколенческие различия в структуре мотивации оказались незначимыми. Вместе с тем зафиксированы гендерные особенности: мужчины реже декларируют планирование многодетности, что связано со спецификой восприятия планирования и зависимостью от репродуктивной готовности женщины, и чаще акцентируют эффект «обновления родительской энергетики» при рождении ребёнка; для женщин значимы вступление в новый брак, реализация ресурса родительской любви и обогащение опыта материнства. Перспективным направлением дальнейших исследований является оценка институционального эффекта материнского капитала посредством сравнительного анализа однодетных и двухдетных семей (по критерию «до/после 2007 года»), что позволит проследить эволюцию мотивационной структуры и механизмы влияния мер поддержки на репродуктивные решения.

Ключевые слова: многодетная семья, материнский капитал, ценностно-мотивационная структура, метод фокус-группы.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

Введение

В условиях продолжающегося демографического спада, снижения суммарного коэффициента рождаемости и сокращения численности населения вопросы поддержки семьи, материнства и детства приобретают особую значимость в системе государственной социально-демографической политики. Несмотря на реализацию комплекса мер, направленных на стимулирование рождаемости, включая программы материальной поддержки семей с детьми, демографическая ситуация в России продолжает характеризоваться снижением репродуктивной активности населения, особенно в отношении рождения второго и последующих детей.

Особое значение в современных условиях приобретает феномен многодетной семьи как социально-демографического ресурса воспроизводства населения. При этом многодетность представляет собой не только демографическое, но и социокультурное явление, связанное с ценностными ориентациями, семейными установками, жизненными стратегиями и личностными мотивами родителей. Решение о рождении третьего и последующих детей формируется под воздействием комплекса факторов.

С учетом сохраняющихся демографических вызовов поддержка многодетных семей рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной социально-демографиче-

ской политики. Важным этапом институционализации мер поддержки многодетности стало принятие Указа Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей», в котором впервые на федеральном уровне было закреплено нормативное определение многодетной семьи. Принятие данного документа явилось результатом взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций, представляющих интересы многодетных семей. Особое значение имеет установление бессрочного статуса многодетной семьи независимо от возраста детей, что способствует укреплению социального статуса многодетности и расширению системы социальных гарантий (Ростовская и др., 2024).

Значимость многодетной семьи как ключевого ресурса демографического развития страны была также обозначена в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года, где подчеркивается необходимость формирования позитивного общественного восприятия многодетности и повышения качества жизни семей с детьми¹.

В целях преодоления негативных демографических тенденций в Российской Федерации с 1 января 2007 года вступил в силу федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», предусматривающий финансовую помощь семьям, рассматривающим возможность рождения второго либо третьего ребенка. Комплекс государственных мер поддержки семей с детьми, в том числе предоставление права на получение материнского капитала, выступил одним из значимых факторов, оказавших влияние на динамику рождаемости и обусловивших ее рост. Так, в 2007 году число родившихся детей увеличилось почти на 123 тыс. по сравнению с предыдущим годом. Если в 2006 году число рождений на 1000 человек населения составляло 10,4, то в 2009 году оно возросло до 12,4, а в 2014 году составило 13,3. Среди всех рожденных в 2007 году доля вторых и третьих детей увеличилась с 33 до 44%. В период 2006–2011 гг. суммарный коэффициент рождаемости повысился с 1,3 до 1,6

рождения на одну женщину, а за 2007–2014 гг. общий коэффициент рождаемости вырос на 2,24‰ (Светличная, Меньшикова, 2017).

Несмотря на расширение мер государственной поддержки многодетных семей, в научном дискурсе сохраняется дискуссия относительно факторов, определяющих готовность семей к рождению третьего и последующих детей. Исследователи отмечают, что экономические стимулы сами по себе не выступают определяющим условием многодетности. Существенную роль играют семейные ценности, установки на родительство, особенности семейной социализации, межпоколенческая поддержка и субъективное восприятие родительства (Борисова, Павлюткин, 2019; Гудкова, 2019).

Вместе с тем в отечественной литературе недостаточно изученными остаются личностные мотивы принятия решения о переходе к многодетности, особенно в контексте изменения ценностных ориентаций современной семьи и трансформации репродуктивного поведения населения. Анализ субъективных оснований многодетности представляется особенно значимым в условиях необходимости разработки эффективных мер демографической политики, ориентированных не только на материальное стимулирование рождаемости, но и на формирование позитивного образа многодетной семьи. Исследование мотивов, лежащих в основе репродуктивных решений, позволяет глубже понять тенденции снижения рождаемости и откладывания решения о последующих детях в современном обществе.

В условиях стратегической значимости увеличения числа многодетных семей важно понимать, насколько существующая, преимущественно финансовая поддержка семей с детьми способствует распространению многодетности. В связи с этим цель настоящего исследования заключается в выявлении степени значимости финансовых мотивов в принятии решения о создании многодетной семьи.

В соответствии с поставленной целью в качестве задач исследования определены:

- проведение фокус-групповых дискуссий для выявления существующих сходств и различий в структуре мотивационно-ценностных

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 29 февраля 2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 10.03.2026).

ориентиров, обуславливающих принятие решения о создании многодетной семьи, среди представителей двух поколений многодетных семей: поколение 1 — семьи, ставшие многодетными до внедрения материнского капитала (с 1 января 2007 года на второго и последующего ребенка), поколение 2 — семьи, ставшие многодетными после введения материнского капитала;

— оценка относительной значимости финансовой составляющей в мотивации многодетности, проведение сравнительного анализа ее роли среди представителей двух исследуемых поколений многодетных семей и выявление гендерной специфики мотивационных установок.

Теоретико-методологическая рамка исследования

В современных социально-демографических исследованиях репродуктивное поведение рассматривается как результат сложного взаимодействия экономических, институциональных, культурных и личностных факторов. В отечественной социологии рождаемости одним из базовых является подход В.А. Борисова, согласно которому репродуктивное поведение представляет собой систему действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности. В структуре репродуктивного поведения автор выделяет взаимосвязанные компоненты: репродуктивные потребности, установки, мотивы, интересы, планы, решения и действия (Борисов, 1970, с. 8). В рамках данного подхода репродуктивные установки выступают одним из внутренних регуляторов репродуктивного поведения. С точки зрения теории кризиса семьи, они представляют собой предрасположенность личности, определяющую согласованность действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей (Сивоплясова, 2022).

В отличие от репродуктивных установок, отражающих отношение личности к деторождению, понятие демографических установок носит более широкий характер и фиксирует готовность личности к определенным результатам жизненного поведения. Соответственно, репродуктивные установки могут рассматриваться как специфический вид демографических

установок, непосредственно связанный с отношением к деторождению, желаемым числом детей и готовностью реализовывать соответствующую репродуктивную стратегию. Репродуктивные мотивы, в свою очередь, представляют собой побуждения, лежащие в основе принятия решения о рождении ребенка (Корниенко и др., 2017).

В условиях снижения рождаемости особую значимость приобретает изучение не только фактического репродуктивного поведения, но и репродуктивных намерений, которые во многом определяют последующую реализацию рождений (Dommermuth et al., 2025). При этом в современной исследовательской повестке наблюдается переход от преимущественно экономического объяснения репродуктивного поведения к комплексному анализу ценностных установок, жизненных стратегий, семейных отношений и субъективной мотивации родительства.

В настоящее время отмечается дефицит эмпирических и теоретических разработок, раскрывающих механизмы формирования репродуктивных стратегий многодетности (Šmergajová, 2025). В научной литературе выделяют несколько основных групп факторов, определяющих выбор в пользу многодетности: экономические и жилищные условия, характеристики партнерских отношений, ценностные ориентации, опыт родительской семьи, особенности занятости и гендерных ролей, а также институциональный и социокультурный контекст. Значимость материальной составляющей в формировании и реализации репродуктивных намерений подтверждается современными исследованиями: финансовое положение и стабильность жизненных условий выступают существенными детерминантами репродуктивного поведения (Jurczak et al., 2026; Bakytzhanova et al., 2026). Вместе с тем реализация репродуктивных намерений детерминирована не только экономическими параметрами, но и комплексом социально-демографических характеристик семьи. В частности, с возрастом у женщин нарастает совокупность репродуктивных ограничений, которые обусловлены как биологическими факторами, так и особенностями партнерского статуса (Макаренцева, Бирюкова, 2023, с. 44).

Значимость институциональных условий подтверждается исследованиями репродуктивных установок молодых семей. По результатам углубленных интервью А.В. Короленко и О.Н. Калачиковой выявлены различные позиции молодых семей по отношению к государственной поддержке: от непризнания ее влияния на репродуктивные решения до ожидания государственной помощи и признания ее значимости для реализации рождений. Наиболее распространенной оказалась позиция, при которой семьи не рассматривают государственную поддержку как определяющий фактор рождения детей (Короленко, Калачикова, 2022). Таким образом, влияние внешних стимулов на репродуктивное поведение не является однозначным и опосредовано субъективным восприятием семей собственных ресурсов и доступных мер поддержки.

Устойчивость партнерских отношений и наличие эмоциональной поддержки выступают в качестве «организующих» факторов (Rahnu, Jalovaara, 2023, с. 11–12), определяющих как готовность к рождению ребенка, так и сроки принятия репродуктивных решений.

Социально-экономический анализ позволяет выделить ряд факторов, формирующих репродуктивные намерения и задающих дальнейшую траекторию репродуктивного поведения. К ним относятся возраст младшего ребенка (3–6 лет), позитивные ожидания относительно улучшения жилищных условий, а также желание супруга иметь больше детей в рамках согласованного репродуктивного плана пары. Особый исследовательский интерес представляют женщины, которые выражают желание иметь больше детей, но не имеют конкретных планов по его реализации, что может проявляться как в отсрочке, так и в полном отказе от реализации намерения. Для этой группы значимыми выступают экономические факторы: наличие собственного жилья, стабильная занятость, отсутствие долговой нагрузки (Makarentseva et al., 2025). Отдельной значимой подгруппой являются женщины старше 35 лет (Смулянская, 2017), что обуслов-

лено ростом доли этой категории в структуре женского населения в последние годы.

Среди постулируемых мотивов деторождения исследователи выделяют ценность родительства как источника жизненной удовлетворенности, возможность реализации родительской роли и удовлетворение от воспитания ребенка (Brini et al., 2026). При этом большинство женщин репродуктивного возраста выражают желание иметь двух-трех детей, причем среднее желаемое число детей превышает ожидаемое во всех возрастных группах². Данный факт подтверждает описанный в российских и международных публикациях «идеал» малой семьи (два ребенка) (Ковальчук и др., 2018) и свидетельствует о том, что у значительной части женщин, уже имеющих одного ребенка, остаётся намерение родить второго, а в отдельных случаях и третьего³.

Особое место среди факторов, определяющих репродуктивные решения, занимает экономическая составляющая. В отечественной и зарубежной литературе активно исследуется влияние финансовых стимулов на рождаемость, в том числе краткосрочные эффекты финансовой поддержки и воздействие социальных и экономических реформ на репродуктивное поведение (Rasmussen, 2010; Brewer et al., 2012; Carneiro et al., 2015; Tudor, 2020). При этом эффективность мер семейной политики обусловлена комплексом факторов, включающих институциональный контекст, социально-экономические характеристики семей и особенности национальной модели социальной политики (Gonzalez, 2013; Гурко, 2023; Ezdi et al., 2024). Согласно исследованиям, семейная политика в странах с низким уровнем рождаемости, экономическая поддержка демонстрирует большую результативность в сочетании с институциональными условиями, позволяющими совмещать профессиональную занятость и семейную жизнь (Gauthier, Gietel-Basten, 2025).

Программа материнского капитала, введенная в 2007 году, выступает одним из центральных элементов современной российской демографической политики и служит значимым

² Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html

³ Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume>

эмпирическим кейсом для анализа влияния прямых финансовых стимулов на репродуктивное поведение. С методологической точки зрения её запуск может рассматриваться как «естественный эксперимент», позволивший проследить, в какой мере институционально оформленные экономические меры способны модифицировать репродуктивные стратегии населения.

Эмпирические исследования фиксируют ограниченный вклад программы в динамику итоговой рождаемости: значительная часть наблюдавшегося после её введения роста показателей была связана не с увеличением планируемого числа детей, а с перераспределением рождений во времени, так называемыми «тайминговыми» сдвигами (Архангельский и др., 2024b). Данный факт позволяет интерпретировать эффект материнского капитала не как фактор формирования новой установки на многодетность, а как механизм реализации уже сложившихся репродуктивных намерений за счёт снижения экономических барьеров и изменения временных параметров принятия решения о рождении ребёнка.

Таким образом, несмотря на относительно невысокий прямой демографический эффект, программа сохраняет высокую исследовательскую ценность: она позволяет раскрыть место финансовых стимулов в структуре мотивации многодетности и уточнить характер их взаимодействия с ценностными и культурными детерминантами репродуктивного выбора. Это делает анализ восприятия мер поддержки со стороны многодетных семей релевантным направлением социологических и демографических исследований.

Таким образом, анализ литературы позволяет заключить, что мотивация к многодетности формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов. Экономическая обеспеченность и жилищные условия определяют ресурсные возможности семьи, однако сами по себе не объясняют принятие решения о рождении третьего и последующих детей. Существенное значение имеют устойчивость партнёрских отношений и эмоциональная поддержка (Ростовская и др., 2021), ценность родительства и семьи, а также институциональные условия, способствующие совмещению профессиональной и семейной жизни (Маркова, 2024).

Не меньшую роль в репродуктивном поведении играют гендерные, региональные и межпоколенческие особенности (Rostovskaya et al., 2023; Вакуленко и др., 2024).

Гендерная специфика проявляется в неодинаковом соотношении экономических, социальных и психологических оснований принятия решения о рождении детей. Для обоих полов базовое значение имеют конструктивные психологические мотивы, связанные с ценностью семьи и родительства, а также с любовью к детям, при этом набор и вес дополнительных мотивов различаются. Согласно ряду исследований, мужчины в большей степени ориентированы на экономические аспекты рождения ребенка, тогда как женщины чаще учитывают социальные ожидания со стороны семьи и общества (Синельников и др., 2023; Трусова, Ткач, 2022).

Для женщин решение о рождении последующих детей связано не только с материальными условиями, но и с потенциальными последствиями для профессиональной занятости, а также возможностями совмещения родительской роли с трудовой деятельностью. В частности, исследования многодетных семей со средним достатком показывают, что выбор в пользу многодетности нередко сопряжён с ограничением профессиональных и социальных возможностей матери, что может влиять на принятие дальнейших репродуктивных решений (Баннх и др., 2019, с. 125). В более широком контексте изменение гендерных ролей, карьерных ориентаций и распределения семейных обязанностей также рассматривается как фактор, определяющий сроки и реализацию репродуктивных намерений (Горлатых, Абрамов, 2025, с. 250; Абдулаева, 2024).

Социально-культурные особенности регионов также определяют различия в структуре мотивации на многодетность. Так, в Москве выбор стратегии многодетности чаще связан с ценностными ориентациями и наличием государственной поддержки; при этом материальная составляющая также сохраняет значимость. Многодетность в столице характеризуется как относительно более осознанный и редкий выбор (Русанова, Журавлева, 2019). В Уральском регионе зафиксирована значимость сочетания материальных и нематериальных факторов, при этом особую роль играют ценностно-биографи-

ческие детерминанты, включая опыт родительской семьи (Баннх и др., 2019). Напротив, в Северо-Кавказском регионе репродуктивное поведение в значительной степени определяется традициями, представлениями о семье и браке, религиозностью и социокультурными нормами. Среди регионально специфичных факторов выделяют ориентацию на многодетность, гендерные установки (в том числе предпочтении рождения сына), ожидания относительно раннего вступления дочерей в брак, а также ограничения, касающиеся жизненных траекторий женщин, например возможностей получения образования (Сиражутдинова, 2024, с. 269).

Наряду с действующими социально-экономическими условиями и социально-культурными особенностями регионов значимым детерминантом репродуктивного поведения выступает семейный опыт предыдущего поколения. Данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения свидетельствуют о положительной связи между числом детей, рожденных матерью респондента, и средним желаемым и ожидаемым числом детей у самого респондента⁴. Эта взаимосвязь согласуется с результатами исследования, фиксирующими влияние репродуктивного опыта родительской семьи на вероятность выбора многодетной стратегии родительства (Синельников и др., 2023).

При этом межпоколенческая трансляция установок не предполагает механического воспроизводства репродуктивного поведения. Исследования внутрисемейной передачи установок многодетности показывают, что даже при принятии ценностных ориентаций родительской семьи фактическое число детей в следующем поколении может оставаться ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения (Карпова, Ляликова, 2023: с. 77). Это позволяет сделать вывод о том, что межпоколенческая передача установок на многодетность реализуется во взаимодействии с изменяющимися социально-экономическими условиями. Соответственно, достижение положительной

демографической динамики с каждым поколением становится всё более затруднительным (Архангельский и др., 2024а, с. 57).

Таким образом, анализ научной литературы демонстрирует, что преобладающая часть существующих исследований сфокусирована либо на изучении общих репродуктивных намерений, либо на анализе отдельных детерминант их реализации. Комплексный подход, учитывающий динамику мотивационной структуры в связи с трансформацией институциональных условий государственной поддержки, остаётся недостаточно разработанным. В частности, сравнительно слабо освещён вопрос о том, как изменение параметров семейной политики соотносится со сдвигами в иерархии мотивов многодетности у разных социально-демографических групп. Именно этот пробел в научной литературе определяет исследовательскую нишу настоящей работы и обуславливает сравнительный анализ структуры мотивации к многодетности в контексте меняющихся институциональных условий.

Материалы, методы и гипотезы исследования

В рамках данного исследования осуществляется сравнительный анализ личностных мотиваций создания многодетных семей между представителями двух поколений:

— первое поколение — семьи, ставшие многодетными до внедрения финансовых мер государственной поддержки в виде материнского капитала (с 1 января 2007 года на второго и последующего ребенка);

— второе поколение — семьи, ставшими многодетными после введения данной финансовой меры.

Исследование личных мотивационно-ценностных ориентиров многодетных родителей проводилось методом фокус-групп в период с 22 по 30 ноября 2025 года. В качестве локации исследования был выбран город Екатеринбург, что обусловлено его репрезентативностью для анализа ситуации в Свердловской области. Согласно статистическим данным⁵, Екатеринбург — крупнейший по численности населения город

⁴ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html

⁵ Основные итоги деятельности Министерства и приоритетные направления / Министерство социальной политики Свердловской области. URL: <https://msp.midural.ru/deyatelnost/otchety-o-deyatelnosti/osnovnye-itogi-deyatelnosti-ministerstva-i-prioritetnye-napravleniya.html> (дата обращения: 10.08.2026).

региона, на его долю в 2023 году приходилось 28,3% от общего числа многодетных семей области. При этом динамика численности многодетных семей в городе характеризуется устойчивым ростом: с 17304 семей в 2021 году до 18309 в 2022 году и 19494 в 2023 году. Такая концентрация и положительная динамика позволяют рассматривать Екатеринбург как релевантную площадку для изучения репродуктивных установок и мотиваций многодетных родителей, а также обеспечивают достаточную доступность целевой группы для организаций фокус-групп.

В рамках исследования было проведено четыре фокус-группы: по одной фокус-группе с женщинами и мужчинами, представляющими первое исследуемое поколение, и по одной — с женщинами и мужчинами, относящимися ко второму исследуемому поколению (табл. 1).

Выбор метода фокус-групп обусловлен его высокой информативностью в рамках качественного исследования, поскольку полуструктурированная групповая дискуссия позволяет выявить и содержательно раскрыть основные мотивы и драйверы принятия решения о многодетности. Респонденты были дифференцированы по двум критериям: гендерному (мужчины и женщины) и поколенческому (первое и второе исследуемое поколение). Для каждой комбинации этих критериев была организована отдельная фокус-группа. Выбор двух исследуемых поколений определен различием в институциональных условиях реализации репродуктивных стратегий. Представители второго поколения имели доступ к дополнительной финансовой государственной поддержке семей при рождении второго и последующих детей; представители первого поколения не располагали такими мерами поддержки. Фокус-группы проводились раздельно для мужчин и женщин, что связано с высокой сензитивностью темы репродуктивного и многодетного родительства, которая способна влиять на характер высказываний участников. В частности, при планировании исследования существовали опасения, что в смешанной группе мужчины будут склонны отрицать значимость финансовых мотивов при принятии решения о рождении детей. Обсуждение материальной стороны вопроса могло восприниматься как ущемление их роли в обеспечении семьи и ставить под сомнение их

финансовую состоятельность. Тем не менее эти предположения не подтвердились: в ходе дискуссий мужчины открыто рассматривали меры государственной поддержки как один из факторов, мотивирующих к многодетности.

Гайд фокус-группы был разработан как инструмент выявления глубинных мотивационных установок многодетных родителей и опирался на принципы полуструктурированного интервью. В основу структуры гайда легли подходы, близкие к методикам изучения ценностно-мотивационного поля, в том числе логике ценностных ранжирований по типу методики М. Рокича. Участникам предлагалось не просто отвечать на прямые вопросы, но и выстраивать приоритеты, соотносить значимость различных факторов (экономических, социальных, ценностных), а также приводить примеры из личного опыта, иллюстрирующих принятие репродуктивных решений. Дискуссии были сфокусированы на ключевых тематических блоках: «Мотивация создания многодетной семьи», «Финансовые факторы», «Ожидания многодетных родителей по совершенствованию семейной политики». Для когорты многодетных семей, получивших материнский капитал, был предусмотрен отдельный модуль вопросов, нацеленный на оценку реального влияния этой меры на репродуктивное поведение. Такая структура гайда позволяла не только фиксировать декларируемые мотивы, но и выявлять скрытые установки, противоречия и иерархию ценностей респондентов, а также отделять ситуативные высказывания от устойчивых позиций за счет сочетания прямых, ранжирующих и проективных вопросов.

Финансовые факторы, влияющие на репродуктивное поведение, отличаются значительным разнообразием и включают пособия, налоговые льготы, жилищные программы, региональные выплаты и др. В рамках настоящего исследования в качестве ключевого экономического мотива рассматривался материнский капитал, что обусловлено его институциональной значимостью и выраженной мотивационной функцией в контексте многодетности. Во-первых, материнский капитал представляет собой относительно крупную единовременную выплату, способную существенно влиять на долгосрочные семейные стратегии, в том чис-

ле на решение о рождении второго и последующих детей. Во-вторых, данная мера обладает высокой узнаваемостью и устойчиво ассоциируется в общественном сознании с поддержкой многодетности, что повышает ее релевантность для анализа декларируемых и скрытых мотивов. В-третьих, материнский капитал имеет длительный срок реализации и широкий спектр направлений использования, что позволяет рассматривать его как комплексный институциональный фактор, а не как узкую текущую выплату.

При этом дифференциация на федеральный и региональный уровни реализации данной меры поддержки не проводилась. Материнский капитал анализировался как единый институциональный фактор, способный выступать в качестве мотива к многодетности. Такой подход оправдан с точки зрения исследовательского фокуса на смысловых установках респондентов. В нарративах участников фокус-групп региональные меры зачастую не выделялись

как самостоятельный значимый стимул, а воспринимались в общем контексте государственной поддержки семьи.

Проведение фокус-группы предполагало аудиозапись устных ответов респондентов на вопросы гайда с последующим транскрибированием и оформлением стенограммы. Обработка результатов осуществлялась путем анализа дословных высказываний респондентов, которые на следующем этапе анализа объединялись в тематические категории, представляющие собой описание мотивов рождения ребенка. Также использовался метод постоянных сравнений, который позволил выделить сходства и различия в мотивации к многодетности между двумя группами респондентов, а также между мужчинами и женщинами.

Далее проводилась группировка респондентов по двум исследуемым целевым группам (табл. 1).

Характеристика участников фокус-групп приведена в таблице 2.

Таблица 1. Целевые группы исследования

Поколение	Характеристика	Состав
1	Семьи, ставшие многодетными до внедрения финансовых мер государственной поддержки в виде материнского капитала (с 1 января 2007 года на второго и последующего ребенка)	Женщины – 1 фокус-группа, Мужчины – 1 фокус-группа
2	Семьи, ставшие многодетными после введения финансовых мер государственной поддержки в виде материнского капитала (с 1 января 2007 года на второго и последующего ребенка)	Женщины – 1 фокус-группа, Мужчины – 1 фокус-группа

Таблица 2. Характеристика целевых групп исследования

Показатель	Поколение 1	Поколение 2
Женщины		
Количество участников фокус-группы, чел.	8	8
Возраст участниц, лет	45–59	34–45
Годы рождения детей	Первых двух детей: 1990–2004 Третьего ребенка: 1997–2006	Второго ребенка*: 2009–2018 Третьего ребенка: 2014–2024
Мужчины		
Количество участников фокус-группы, чел.	6	7
Возраст участников, лет	48–60	36–60
Годы рождения детей	Первых двух детей: 1987–2005 Третьего ребенка: 2000–2006	Второго ребенка**: 1987–2018 Третьего ребенка: 2008–2024
* В группе женщин шестеро участниц получили федеральный материнский капитал на второго ребенка, затем получили региональный материнский капитал на третьего; двое получили федеральный материнский капитал на третьего ребенка. ** В группе мужчин трое получили федеральный материнский капитал на второго ребенка, затем получили региональный материнский капитал на третьего; четверо получили федеральный материнский капитал на третьего ребенка.		

К методологическим ограничениям проведенного исследования следует отнести три ключевых фактора:

- во-первых, значительная временная дистанция между рождением ребенка у респондентов способна влиять на репрезентативность декларируемых мотивов: воспоминания о принятии репродуктивных решений подвержены когнитивной трансформации, а иерархия мотивов может перестраиваться под влиянием последующих жизненных обстоятельств;

- во-вторых, поколенческие различия сравниваемых групп обуславливают неоднородность социальных-экономических и культурно-нормативных контекстов: представители разных поколений социализировались в несхожих институциональных условиях, что осложняет прямое сопоставление мотивационных оснований многодетности и требует осторожной интерпретации межгрупповых различий;

- в-третьих, региональную специфику выборки (исследование охватило многодетных родителей — жителей Екатеринбурга) ограничивает возможность экстраполировать результаты на другие регионы Российской Федерации: выявленные паттерны мотивации и оценки мер поддержки могут быть обусловлены локальными социально-экономическими особенностями реализации семейной политики и региональными культурными установками. Для обобщения выводов необходима верификация результатов в иных территориальных контекстах.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что институциональное внедрение материнского капитала повлияло на трансформацию мотивационной структуры репродуктивного поведения:

- в нарративах представителей поколения 1 доминирующими окажутся преимущественно социокультурные и ценностные мотивы, а экономические соображения будут фигурировать в меньшей степени и преимущественно в контексте общих жизненных трудностей, а не как самостоятельный драйвер репродуктивного решения;

- в нарративах представителей поколения 2 финансовые аспекты будут занимать более заметное место в обосновании решения о многодетности. Предполагается, что меры мате-

риальной поддержки воспринимаются этой группой как значимый фактор, дополняющий ценностно-нормативные основания репродуктивного выбора.

Результаты и обсуждение

Мотивы многодетности

Положительное решение о появлении третьего ребенка в семье не всегда формулируется в понятиях ценностей или жизненных принципов, чаще оно озвучивается более приземленно и конкретно. Для кого-то оно является заранее запланированным, для кого-то ситуативным (некоторые мотивы продиктованы изменениями жизни, семья становится многодетной в силу каких-то событий, обстоятельств), но в любом случае оно вербализуется с помощью терминов и значений внутреннего психологического порядка, а не материально-практического. Ключевые драйверы многодетности в высказываниях респондентов двух исследуемых поколений систематизированы в *таблице 3*.

Как показывает анализ нарративов, представители двух поколений демонстрируют общность мотивов к многодетности. Но даже интенциональная установка на многодетность присутствует не у всех участников исследования, хотя все они являются многодетными.

Детский опыт жизни в многодетной семье может оцениваться и негативно: *«Вот у меня жена из многодетной семьи, она говорит, „да это капец, когда все делится на всех, вся вот эта толпа, эти вот все разборки“»* (М). Скептическое отношение может быть заложено у тех, кто был старшим ребенком в многодетной семье: *«У меня муж второй в семье, внимания ему не хватило, мама, получается, занимала его — старший помощник, у нее третий ребенок, еще четвертый родился. То есть она ему внимания-то особо толком не дала. Он из-за этого и не хотел третьего ребенка. Вот два, и хватит»* (Ж). Один из респондентов родом из Узбекистана (узбек по национальности) воспитывался в среде с культом многодетности, но сам в собственной семье не стремился к этим традиционным образцам: *«У нас всегда родители твои, или бабушки твои, они будут спрашивать, сколько у тебя детей, будут всегда подпирать — давай еще, давай еще. Я, когда переехал сюда, здесь, в России, по-другому все. У меня уже менталитет поменялся»* (М).

Таблица 3. Мотивация и драйверы многодетности

Поколение 1	Поколение 2
Интенциональная (целеполагающая) установка на многодетность: изначально хотела/хотели с мужем иметь минимум троих детей	
«У нас с мужем запланировано трое было» (Ж) «Я всегда мечтала, чтобы у меня было хотя бы трое детей» (Ж)	«Я запланировала себе лет в 18, что у меня будет трое детей» (Ж) «Перед первым [ребенком] мы обсуждали [с мужем], что у нас будет большая многодетная семья» (Ж) «Обсуждали на романтической основе вначале. Сколько будем иметь детей? – Давай троих, было бы неплохо. Это планированием, конечно, трудно назвать. А какая квартира будет? – Пятикомнатная» (М)
Положительные образцы многодетности старших поколений: многодетные семьи родителей, дядей/тетей, приобщенность к практикам больших дружных семей в детстве	
«У меня у родителей, что с папиной стороны, что с маминой стороны, по трое детей было. И мы всегда уже детьми – нас было много на всех праздниках. И двоюродных сейчас сестер, и братьев очень много. Поэтому, да, я как-то смотрела на них, мне хотелось так же» (Ж) «Чем больше детей, тем лучше. Я сама из многодетной семьи» (Ж)	«У меня супруг всегда хотел 10 детей, чтобы была большая дружная семья, чтобы были дети, веселье. Его линия по роду – все многодетные, там по 8 детей, по 10 детей» (Ж) «В детстве на дачу летом отправляли нас к бабушке, там двоюродные все жили, мы жили в доме все, и много детей. Мне вот это нравилось» (Ж) «Жена у меня из многодетной семьи, шестеро у нее в семье было. У нее было желание троих, но не получалось, а тут раз, и получилось» (М)
Создание новой семьи (второй/следующий брак); новый партнер	
«Другой муж. Хотелось подкрепить отношения рождением ребенка» (Ж) «Третий ребенок – от второго брака» (Ж)	«Муж второй, у него нет детей. И вот он очень хотел ребенка» (Ж)
Стремление создать для своих детей жизненную опору на братьев/сестер	
«Я единственный ребенок, и всегда, сколько я себя помню, особенно до подросткового возраста, мне хотелось, чтобы у меня были братья, которые бы меня защищали. Мне было одиноко. И я решила, что в моей семье у ребенка обязательно один или два должны быть братья или сестрички» (Ж) «Самая устойчивая плоскость на трех точках» (Ж) «На 200 % детям нужен либо братик, либо сестренка, как минимум. Это однозначно» (М)	«Мой муж один в семье. И вот он всегда говорил, я очень жалею, что у меня нет ни сестры, ни брата, что это все равно такая поддержка и опора по жизни. И поэтому он говорил, что я хочу, чтобы у моих детей были братья и сестры» (Ж) «Я в семье одна. Когда я выходила замуж, я себе думала, что у моих детей точно будут братья и сестры. Потому что мне всегда хотелось, чтобы у меня был брат или сестра, вот именно родные» (Ж) «Я же один [был в семье], я мечтал о том, чтобы у меня были братья, сестры. Семьи, где есть братья и сестры, они более сплоченные, они там друг на дружку опираются в какой-то момент» (М)
Стремление иметь разнополых детей	
«Было двое сыновей. Хотела девочку» (Ж) «Я вот тоже хотел дочь. Первые двое сыновья» (М) «У меня два парня старших, поэтому супруге и мне хотелось – вот бы еще девочку» (М)	«Мы хотели разнополых детей. И если бы первые дети однополые были, то третьего точно, вот уже прямо осознанно стали бы делать» (Ж) «У меня было две дочери, они уже большие, а я мечтал о сыне» (М). «Это основной мотив – я дочку хотел, потому что все сыновья» (М)
Расширение потенциалов родителей и семьи	
«Когда у тебя второй, третий ребенок, у тебя и возможности открываются больше. У тебя и мотивация другая» (Ж) «Дети стимул придают, потому что хочется достигать большего, двигаться как финансово, так и интеллектуально» (Ж)	«Обязательно что-нибудь приходит, с рождением любого ребенка в семье что-нибудь появляется хорошее. И не важно, материальное это или еще какое-то» (Ж) «Вторая молодость у нас с женой. Жена помолодела в связи с рождением третьего позднего ребенка. Я ощущаю импульс, конечно, помолодел я. Во-первых, это забота – надо растить, воспитывать, содержать, дать образование. Молодит забота такая» (М) «Сам факт, что у тебя есть маленький ребенок, о котором нужно заботиться, у мужчины по природе – это у него появилась цель, у него появились силы» (М)

С другой стороны, интенция многодетности встречается и у тех, чья родительская семья не была многодетной. Один из мотивов создания многодетной семьи в том, чтобы у детей были братья/сестры как опора в их жизни, «страховка» от одиночества. Характерно то, что такая установка звучала в основном от тех, кто сам был единственным ребенком в семье. Нереализовавшиеся детские мечты о брате/сестре были воплощены в собственных семьях.

Установка на то, что дети должны быть разнополыми, усиливается или появляется, если первые двое детей оказались однополыми. При этом многодетность может быть как изначально запланированной, так и нет — и тогда желание иметь ребенка другого пола становится главным драйвером многодетности. Желание, чтобы среди детей были и мальчики, и девочки, сродни идеалу полноты, завершенности модели полноценной семьи. Стремление иметь разнополых детей присутствует далеко не у всех многодетных родителей. Да и сама установка не гарантирует желаемый результат, и, став многодетной, семья остается с однополыми детьми.

Мотив расширения возможностей и потенциалов родителей с появлением следующего ребенка иногда формулируется вполне приземленно: «У нас даже лучше стало после рождения третьего. У супруга карьерный рост пошел. Потому что цель же была трое детей, их все равно кормить, одевать и так далее. У нас так и получалось, что с каждым рождением карьерный рост все увеличивался», иногда — почти магически: «Бог дал зайку, даст и лужайку» (Ж). Мужчины даже более активно и детализированно характеризуют этот фактор, когда увеличение объема забот и затрат в связи с появлением ребенка стимулирует их наращивать ресурсы семьи, раскрывать новые возможности, находить силы для решения возникающих вопросов.

Помимо мотивов многодетности, характерных для представителей обоих поколений, выявлены межпоколенческие различия в структуре мотивационных установок. В частности, ряд мотивов был зафиксирован исключительно в нарративах представителей второго поколения. Частичное отсутствие аналогичных мотивов в высказываниях респондентов первого поколения может быть обусловлено временной дистанцией от момента принятия репродуктивного решения: значительная удаленность события

во времени способна приводить к трансформации воспоминаний и к снижению субъективной значимости отдельных мотивов при их ретроспективной оценке:

— маленький ребенок оживляет, сплачивает семью: «Я уже давно созрел на еще маленького ребенка по причине того, что ребенок улучшает, сплачивает семью. Это было крайне важно. Я чувствовал, что, чтобы в какую-то бытовуху не вываливаться, нужен ребенок, который бы взбодрил» (М);

— снова ощутить обаяние младенчества, когда старшие дети уже подросли: «Хотелось лялечку маленькую. Возобновить детский смех. Как в песне „босичком по ковру”» (Ж); «Первые два ребенка выросли. Жена все смотрела на маленьких детей. Ей хотелось еще понянчиться» (М);

— отдать еще не растрченную любовь: «Хочется еще отдать любовь. Любовь есть, и ее хочется еще отдавать» (Ж);

— еще раз ощутить радость материнства: «Я смогла вновь прочувствовать это, прокормить грудью. Третье было совершенно другое, и вот это все, что я не смогла почувствовать в первом и втором, я восполнила в третьем. То есть мой третий ребенок закрыл все мои потребности материнства» (Ж).

Родителям, принимающим решение о рождении третьего ребенка, хорошо знакома атмосфера особой эмоциональности, создаваемой маленьким ребенком. Многим родителям — и женщинам, и мужчинам — хочется переживать эти ощущения тактильной любви и нежности вновь и вновь. Когда старшие дети уже подросли, у родителей появляется дополнительный драйвер — чтобы в семье снова появился малыш, зазвучал детский смех. Об этом одинаково часто упоминают как женщины, так и мужчины поколения 2. У представителей поколения 1 младший ребенок появился 20 лет назад и более, все дети уже стали взрослыми, и с ними совсем другие заботы и переживания, а появление еще одного собственного ребенка уже вряд ли возможно, видимо, поэтому они не вспоминают про этот драйвер.

Помимо межпоколенческих различий, в ходе исследования были выявлены гендерные различия в структуре мотивационных установок, обуславливающих ориентацию на многодетность. Анализ данных фокус-групп позволил

зафиксировать дифференциацию мотивационных приоритетов между мужчинами и женщинами в рамках обоих поколений.

В частности, мужчины практически не упоминают о планировании многодетности со своей стороны. Многие прошли путь к рождению третьего ребенка, изначально не имея таких планов. Возможно, для них само содержание понятия планирования подразумевает некое достаточно жесткое целеполагание по типу «сказал — сделал», а не просто разговоры, так как в вопросах деторождения они чувствуют свою зависимость от готовности женщины к материнству. Для мужчин характерно желание подчеркнуть, что они не планировали появление третьего ребенка (как и первых двух, когда речь о родных (не приемных) детях). Своего участия в положительном решении они не отрицают, но предпочитают пользоваться формулировками провиденциального плана: *«Раз уж суждено, мы не отказывались от того, что было дано»* (М, поколение 1); *«Просто как получилось, так получилось»* (М, поколение 1); *«Если Бог дает, то грешно отказываться. Надо рожать»* (М, поколение 1); *«Не думали о том, что [этот ребенок] должен быть или не должен быть. И не существовало варианта, что он не может быть»* (М, поколение 2); *«Обстоятельства сложились уже, и ты принимаешь все так, как есть, как данное»* (М, поколение 2).

Созвучным является мотив, прозвучавший в мужской аудитории поколения 2: с новым появлением маленького ребенка происходит обновление энергетики родителей, они чувствуют себя моложе, в частности в сравнении со своими сверстниками. *«Это больше заботы, я чувствую себя лучше, я чувствую себя моложе. У меня сейчас маленькой дочери 7 месяцев. Мои одноклассницы чувствуют себя бабушками. А я еще молодой, и меня это вообще так оживляет»* (М). Возможно, это не столько драйвер расширения семьи, сколько ощутимый «бонус» многодетности (возможно, еще на этапе ожидания рождения ребенка, но особенно после его появления).

Среди факторов многодетности у женщин довольно типичным является второй брак, новый партнер. Почти половина участниц каждой из групп родили третьего ребенка в новом браке либо в результате новых отношений и без мужа.

Еще два мотива решения о появлении третьего ребенка упоминали только женщины поколения 2 — возможность отдать еще одному ребенку нерастроченный запас любви и желание дополнить ощущения материнства с третьим ребенком.

Фактор материнского капитала в принятии решения о рождении третьего ребенка.

Не наблюдается контрастных различий в мотивации и драйверах появления третьего ребенка у семей, не получавших материнский капитал за третьего ребенка и получавших. Факт возможности получить материнский капитал не оказывал влияния на принятие решения о многодетности: *«Мы стали думать: так, у нас сейчас маленькая квартира. Нам надо сделать большую квартиру, нам нужно больше зарабатывать, нам нужно пятое-десятое. Но мы не думали о том, что „о, нам же еще маткапитал дадут!“»* (М, поколение 2).

Никто из участников исследования не согласен с тем, что наличие или отсутствие возможности получить материнский капитал может отразиться на их решении о рождении третьего ребенка. Возможно, в этом есть отражение сложившихся ментальных приоритетов и форм самопрезентации в российском обществе. Другими словами, публичное признание того, что решение о рождении ребенка могло быть внешне материально простимулировано, не является нормативно поощряемым.

Хотя расширение семьи рассматривается прежде всего как духовный акт, необходимость материальной основы для совершения такого шага не только признается, но и постулируется.

Поколение 1: *«Должна быть готовность, что этого ребенка надо будет содержать, его надо будет одевать, его надо будет устраивать в ясли, садик, в школу, еще надо поступить в институт. Готовность ко всем этим расходам»* (М).

«Я считаю, что нельзя не учитывать объективные материальные факторы. Потому что ты же ребенка должен поднять, не просто родить. Если у тебя там однокомнатная квартира, то ты очень сильно задумаешься, рожать ли даже одного» (Ж).

«Если люди стоят на ногах хорошо, если у них есть хорошая работа, то я бы сказала только за. А если они безработные и материальный уровень

у них совсем какой-то не очень, то может имеет смысл встать сначала на ноги, а потом уже думать о детях» (Ж).

Поколение 2: «Детей нужно содержать, нужно образование, нужна возможность водить на кружки, развивать их и давать жизненный опыт. Если ты готов, то да, вопросов нет. Вот если не готов, то начинаешь задумываться» (М).

«Мы видели, что нам позволяет возраст, финансовые возможности, жилищные условия. Ну, просто мы понимаем, что мы готовы еще через это пройти» (Ж).

«Может быть, мы, наверное, третьего ребенка и раньше бы запланировали. Но мы понимали, что создать индивидуальные условия для каждого ребенка наша квартира не позволяет. И вот, пока мы не накопили энную сумму денег, чтобы нам приобрести дом, мы приостановились в планах с третьим ребенком» (Ж).

Большинство участников исследования подтверждают, что материальное положение семьи на момент принятия решения позволяло родить еще одного ребенка и обеспечить его всем необходимым.

При этом мужчины поколения 2 подчеркивают, что появление третьего ребенка заставило семью по-новому решать жилищный вопрос: «Приходилось менять квартиру, приходилось менять работу. Приходилось больше зарабатывать» (М, поколение 2); «Когда ждали появления третьего, пришлось квартиру менять, ипотека была. Жили в двухкомнатной, пришлось делать трехкомнатную, чтобы у каждого ребенка была своя комната» (М, поколение 2); «Мы съехали из трехкомнатной в пятикомнатную. Самую большую ипотеку взяли» (М, поколение 2).

Существование нормативно одобряемого обществом представления о том, что создание многодетной семьи должно иметь под собой твердую материальную основу в виде жилья и источников доходов не исключает того, что какие-то семьи становятся многодетными, не имея материальной определенности.

Среди мужчин поколения 1 был участник, чье материальное положение на момент рождения детей не особенно позволяло иметь большую семью, так как сам он был тогда студентом, не имел своего жилья, дети появлялись один за другим (с интервалом в год-два), и все, что помогало держаться на плаву — это матери-

альная помощь родственников: «Было сложно. Мы жили как студенты, единственное, что нам помогало — это родители с ее стороны [родители жены]» (М, поколение 1, трое детей родились в 2003–2006 гг.).

Если рассмотреть случаи женщин, которые родили третьего ребенка, рискуя финансовой стабильностью, в том числе без мужа, то не вызывает сомнений наличие сильного характера и готовности преодолевать трудности и «сопротивление среды»: «У меня мама сказала, что у меня не все дома. Но если бы я всего боялась, у меня бы вообще, наверное, детей не было. Меня, конечно, особо ничем не сбить. У меня мужской характер просто видимо» (Ж, поколение 1, третий ребенок появился в семье без мужа); «Я работала на таких работах, чтобы можно было еще детьми заниматься. Приходилось работать даже с грудными детьми. И муж работал на двух работах» (Ж, поколение 1); «Я узнала, благодаря своим знакомым, что есть всякие разные пособия. Они не сильно большие, но они спасали. Год было очень тяжело. Мы завязали туго узелки, год не позволяли себе с детьми то, к чему мы привыкли. Ну ничего, потихонечку встали на ноги. Бог дал зайку, даст и лужайку. Зарабатывать есть возможность всегда. Я шила, я брала заказы на дом, я брала все» (Ж, поколение 2, третий ребенок появился в семье без мужа).

Поколение 1 придерживается мнения, что на момент появления у них в семье третьего ребенка государство не оказывало поддержку многодетным семьям (хотя некоторые меры поддержки существовали, и респонденты о них вспоминают). Те виды поддержки, которые тогда предлагались, были либо крайне незначительными, либо фактически не работали. Мужчины поколения 1 мало что могут вспомнить из мер господдержки, в том числе потому, что этими вопросами занимались их жены: «Какие-то льготы для нас были, жена этим занималась, не я. Поэтому просто не могу сейчас сказать» (М).

Отношение к наличию господдержки в группе поколения 2 более лояльное. В отличие от поколения 1, некоторые представительницы поколения 2 целенаправленно интересовались информацией о формах помощи и задумывались, как их использовать: «Мы знали, что должны нам выплатить, о региональных я зна-

ла сразу. Я сразу думала, что мы это внесем и купим еще одну квартиру» (Ж). В целом, по оценкам респондентов поколения 2, наиболее существенной мерой господомощи является федеральный материнский капитал, сумма которого вносит ощутимый вклад в приобретение жилья. Роль регионального материнского капитала значительно ниже и он практически не оказывает влияния на решение жилищного вопроса. В этом контексте представительницы поколения 2, получившие федеральный маткапитал за второго ребенка, считают, что рождение третьего (за которого уже можно получить только региональный маткапитал) государством никак не стимулируется: *«На третьего ребенка маткапитала там вообще крохи. То есть там нет полноценного маткапитала. Там доплата идет 170 тысяч, ну и куда ты ее? Посмотрите, у нас какая ипотека, этого даже на первый взнос не хватает. То есть [рождение] третьего ребенка государство не мотивирует»* (Ж).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. К числу базовых мотивов многодетности, выявленных среди респондентов — представителей обоих исследуемых поколений, относятся институциональная установка на многодетность (сформированная в детстве либо закреплённая договоренностью супругов при создании семьи); ориентация на позитивные образы многодетности в расширении семьи (многодетные семьи родителей, родственников) либо, напротив, стремление компенсировать опыт взросления в качестве единственного ребенка посредством создания многодетной семьи и обеспечения детям наличия братьев и сестер; желание иметь разнополых детей; мотив расширения жизненных и родительских возможностей. При этом установлено, что детский опыт жизни в многодетной семье может оцениваться респондентами неоднозначно — в том числе негативно, а интенция к многодетности фиксируется и у лиц, не имевших такого опыта.

Межпоколенческие различия в структуре мотивации оказались несущественными. Единственным специфическим мотивом, отмеченным представителями второго поколения, выступило стремление к воссозданию в семье атмосферы особой эмоциональности, тактильной любви и нежности, ассоциируемой с

появлением маленького ребенка. Данное обстоятельство интерпретируется в качестве методологического ограничения исследования: значительная временная дистанция между моментом рождения ребенка и проведением опроса способна обуславливать трансформацию воспоминаний и снижение субъективной значимости отдельных мотивов при их ретроспективной оценке — этим может объясняться отсутствие аналогичного мотива в нарративах представителей первого поколения.

В ходе исследования зафиксированы выраженные гендерные различия в структуре мотивационных установок. Мужчины реже артикулируют планирование многодетности, что может быть связано с особенностями восприятия самого понятия «планирование» как жесткого целеполагания, а также с ощущением зависимости от готовности женщины к материнству. Среди мужских мотивов отмечен эффект «обновления родительской энергетики» и связанного с ним субъективного ощущения молодости при появлении нового ребенка. Для женщин значимыми мотивами стали вступление в новый брак, возможность реализовать неистраченный ресурс родительской любви, а также желание дополнить ощущения материнства с третьим ребенком.

Результаты проведенного исследования не подтвердили выдвинутую рабочую гипотезу о том, что институциональное внедрение материнского капитала оказало определяющее влияние на трансформацию мотивационной структуры репродуктивного поведения. Анализ данных фокус-групповых дискуссий продемонстрировал, что ключевые мотивы принятия решения о рождении в семье третьего ребенка носят преимущественно ценностно-нормативный и социокультурный характер и в значительной степени являются общими для представителей обоих исследуемых поколений.

Несмотря на то, что финансовые стимулы не выступают в качестве самостоятельных драйверов репродуктивного выбора, материальный фактор сохраняет существенное значение в качестве нормативно одобряемого условия реализации репродуктивных намерений. Среди представителей обоих поколений зафиксировано стремление обеспечить необходимые жилищные и финансовые предпосылки для рождения третьего ребенка. Респонденты — представите-

ли второго поколения, имевшие возможность использовать материнский капитал, признают его значимость преимущественно в контексте решения жилищного вопроса, однако отрицают его влияние на само решение о рождении ребенка. Таким образом, материальный компонент зачастую имплицитно включен в структуру репродуктивных решений как необходимое условие, даже если не фигурирует в числе декларируемых ценностных мотивов.

С учетом выявленной приоритетности жилищного фактора для принятия репродуктивных решений целесообразно совершенствовать инструменты демографической политики. В качестве потенциально эффективных мер поддержки многодетности могут рассматриваться увеличение размера материнского капитала до уровня, позволяющего покрыть первоначальный взнос по ипотечному кредиту для многодетной семьи; субсидирование погашения ипотечного кредита в размере 50% от остат-

ка задолженности; предоставление льготных ипотечных кредитов на каждого ребенка в семье. При формировании соответствующих мер необходимо учитывать региональную специфику и дифференциацию стоимости жилья. Их реализация способна выступить значительным стимулом к формированию многодетной семьи и повысить результативность демографической политики.

Перспективным направлением будущих исследований является изучение влияния материнского капитала на репродуктивное поведение людей посредством сравнительного анализа групп однопородных и двухдетных семей. Сопоставление семей, в которых второй ребенок был рожден до и после 2007 года, позволит выявить специфику воздействия институциональной меры поддержки на принятие репродуктивных решений и оценить динамику мотивационных установок в зависимости от реализации программы.

Литература

- Абдулаева З.З. (2024). Трансформация моделей распределения гендерных ролей в современной семье // Региональные проблемы преобразования экономики. № 6 (164). С. 135–144. DOI: 10.26726/1812-7096-2024-6-135-144
- Антонов Г.В., Лактюхина Е.Г. (2012). Репродуктивные установки категорий населения, ответственных за демографическое воспроизводство: социологический анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11-2. С. 14–19.
- Архангельский В.Н., Безвербная Н.А., Безвербный В.А., Землянова Е.В. (2024а). Взаимосвязь репродуктивного поведения поколений в семье // Народонаселение. Т. 27. № 3. С. 48–61. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-48-61
- Архангельский В.Н., Золотарева О.А., Кучмаева О.В. (2024б). Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 77–97. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4
- Баннх Г.А., Зайцева Е.В., Костина С.Н. (2019). Мотивация рождения детей в многодетных семьях со средним достатком: результаты нарративного интервью // Петербургская социология сегодня. № 11. С. 120–127. DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.ky9q-vc12
- Борисова О.Н., Павлюткин И.В. (2019). Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. Т. 28. № 4. С. 128–151. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151
- Борисов В.А. (1970). Демография и социальная психология. М.: Мысль. 118 с.
- Вакуленко Е.С., Горский Д.И., Кондратьева В.П., Трофименко И.А. (2024). Репродуктивные намерения россиян в 2022–2023 гг.: роль субъективных факторов // Вопросы экономики. С. 138–157. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-9-138-157
- Гудкова Т.Б. (2019). Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. Т. 6. №4. С. 83–103. DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10428
- Горлатых А.Ю., Абрамов А.П. (2025). Гендерные роли в семье: меняющиеся ожидания и обязанности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Т. 15. № 1. С. 247–259. DOI: 10.21869/2223-1552-2025-15-1-247-259

- Гурко Т.А. (2023). Семейные факторы репродуктивного поведения // Социологические исследования. № 12. С. 72–82. DOI: 10.31857/S013216250029338-4
- Карпова В.М., Ляликова С.В. (2023). Внутрисемейная трансляция установок многодетности // Казанский социально-гуманитарный вестник. № 6 (63). С. 71–79. DOI: 10.26907/2079-5912.2023.6. 71-79
- Ковальчук О.В., Лазуренко Н.В., Подпоринова Н.Н. (2018). Репродуктивные установки молодой (студенческой) семьи // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. Т. 43. № 2. С. 349–360.
- Корниенко Д.С., Радостева А.Г., Харламова Т.М. (2017). Психометрическая проверка опросника деструктивных и конструктивных репродуктивных мотивов // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. № 1. С. 122–132.
- Короленко А.В., Калачикова О.Н. (2022). Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11
- Макаренцева А.О., Бирюкова С.С. (2023). Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 31–56. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2379
- Маркова Т.Л. [и др.] (2024). Оценки работающих женщин Урала: удовлетворенность временем на детей, дистанционная занятость и родительское благополучие // Женщина в российском обществе. № 4. С. 119–138. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.8
- Ростовская Т.К. [и др.] (2021). Факторы рождения второго ребенка в современной России (анализ социологического исследования) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 29. № 3. С. 430–436. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-29-3-430-436
- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н. (2024). Многодетная семья в современном российском обществе: демографический аспект // Вопросы управления. № 3 (88). С. 9–23. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-3-9-23
- Русанова Н.Е., Журавлева Е.К. (2019). Специфика многодетной семьи в столице: особенности государственного регулирования // Государственное управление. Электронный вестник. № 77. С. 274–291. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10028
- Светличная Т.Г., Меньшикова Л.И. (2017). Материнский капитал как экономический фактор формирования социальных ожиданий женщин, имеющих двух и более детей // Journal of Economic Regulation. Т. 8. № 1. С. 85–95. DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.1.085-095
- Сивоплясова С.Ю. (2022). Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 223–242. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.12.
- Синельников А.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В., Антонов А.И. (2023). Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // Женщина в российском обществе. № 4. С. 71–85. DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.6
- Сиражудинова С.В. (2024). Репродуктивное поведение жителей Северного Кавказа (по материалам эмпирического исследования) // Этнография. № 2 (24). С. 257–273. DOI: 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-257-273
- Смулянская Н.С. (2017). Что влияет на принятие решения о рождении ребенка у женщин разных возрастных групп? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Т. 5. № 141. С. 289–299. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.16
- Трусова Е.А., Ткач Е.Н. (2022). Репродуктивные мотивы в супружеской паре: гендерные различия // Миссия конфессий. Т. 11. № 62. С. 84–91.
- Bakytzhanova A.A., Alimbekova G.T., Toikko T. (2026). Socio-economic determinants of reproductive behavior: A comparative study of Almaty (Kazakhstan) and Kuopio (Finland). *Gumilyov Journal of Sociology*, 154(1), 27–56. DOI: <https://doi.org/10.32523/3080-1702-2026-154-1-27-56>
- Brewer M., Ratcliffe A., Smith S. (2012). Does welfare reform affect fertility? Evidence from the UK. *Journal of Population Economics*, 25(1), 245–266. DOI: 10.1007/s00148-010-0332-x
- Brini E., Dommermuth L., Lappegård T., Mynarska M., Raybould A. (2026). Childbearing motivations and fertility desires: An empirical analysis for Norway. *Comparative Population Studies*, 51, 39–72. DOI: 10.12765/CPoS-2026-03

- Carneiro P., Løken K.V., Salvanes K.G. (2015). A flying start? Maternity leave benefits and long-run outcomes of children. *Journal of Political Economy*, 123(2), 365–412. DOI: 10.1086/679627
- Dommermuth L., Lyngstad T.H., Wiik K.A. (2025). Fertility intentions across five decades in Norway. *Comparative Population Studies*, 50, 129–152. DOI: 10.12765/CPoS-2025-09
- Ezdi S. et al. (2024). Childbearing under different family policy schemes. *Journal of Family Research*, 36, 305–326. DOI: 10.20377/jfr-987
- Gauthier A.H., Gietel-Basten S. (2025). Family policies in low fertility countries: Evidence and reflections. *Population and Development Review*, 51(1), 125–161. DOI: 10.1111/padr.12691
- Gonzalez L. (2013). The effect of a universal child benefit on conceptions, abortions, and early maternal labor supply. *American Economic Journal: Economic Policy*, 50(3), 160–188. DOI: 10.1257/pol.5.3.160
- Jurczak A., Nenko I., Marcinkowska U.M. (2026). Fertility desires and attitudes toward fertility and childbearing among women of reproductive age. *MedRxiv*. DOI: 10.64898/2026.01.07.26343593
- Makarentseva A.O., Burdyak A.Y., Sheipak I.I. (2025). Factors in intentions to have a third child: What machine learning analysis reveals. *Population and Economics*, 9(3), 198–224. DOI: 10.3897/popecon.9.e135768
- Rahnu L., Jalovaara M. (2023). Partnership dynamics and entry into parenthood: Comparison of Finnish birth cohorts 1969–2000. *Advances in Life Course Research*, 56, 100548. DOI: 10.1016/j.alcr.2023.100548
- Rasmussen A.W. (2010). Increasing the length of parents' birth-related leave: The effect on children's long-term educational outcomes. *Labour Economics*, 17(1), 91–100. DOI: 10.1016/j.labeco.2009.07.007
- Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N., Kholina V.N. (2023). Factors shaping the reproductive behavior of young families in Russia: data triangulation. *Changing Societies & Personalities*, 7(1), 72–87. DOI: 10.15826/csp.2023.7.1.219
- Šmeriangiová, M. (2025). Fertility factors from the perspective of mothers of large families. *Demografie*, 67(1), 24–37. DOI 10.54694/dem.0355
- Tudor S. (2020). Financial incentives, fertility and early life child outcomes. *Labour Economics*, 64, 101839. DOI: 10.1016/j.labeco.2020.101839

Использование средств ИИ

Авторы использовали ИИ (Алиса AI) для редактирования фрагментов текста.

Сведения об авторах

Татьяна Александровна Камарова – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: kta@usue.ru)

Наталья Владимировна Тонких – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: tonkihnnv@usue.ru)

Татьяна Леонидовна Маркова – кандидат социологических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: markova_tl@usue.ru)

Kamarova T.A., Tonkikh N.V., Markova T.L.

The Significance of Financial Incentives in the Motivation for Having a Large Family: A Qualitative Study

Abstract. This study aims to identify the role of financial motives among the motivational and value orientations that shape people's decisions to have a large family. It draws on focus group discussions with parents of large families in Yekaterinburg, divided into two groups: Generation 1 (those who became parents of large families before the introduction of maternity capital in 2007; N = 14; 8 women and

6 men) and Generation 2 (those who became parents of large families after 2007; N = 15; 8 women and 7 men). The interview guide covered motivation, drivers behind the decision to have a large family, and the influence of financial factors on reproductive choice. The working hypothesis was that the introduction of maternity capital had reshaped the hierarchy of motives: Generation 1 was expected to be driven primarily by sociocultural values, while for Generation 2 financial factors were expected to gain importance without displacing value-normative attitudes. The results show that the motivation for having a large family is driven primarily by value-normative attitudes and social-relational drivers rather than by an orientation toward financial benefits from state support. Both generations exhibited a similar set of key motives: an intentional orientation toward having a large family; the influence of positive examples of large families in older generations; the desire to create a family; and the expectation that siblings will support one another. Intergenerational differences in the structure of motivation proved insignificant. At the same time, gender-specific features were recorded: men less often report planning for a large family, which reflects different perceptions of planning and a reliance on the woman's reproductive readiness; they also more often emphasize the effect of "renewal of parental energy" at the birth of a child. Women, in turn, stress entering a new marriage, the fulfillment of parental love, and the enrichment of the motherhood experience. Future research could assess the institutional effect of maternity capital by comparing one-child and two-child families before and after 2007, shedding light on how motivational structures evolve and how support measures shape reproductive decisions.

Key words: large family, maternity capital, value-motivational structure, focus group method.

Information about the Authors

Tatyana A. Kamarova – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: kta@usue.ru)

Natalia V. Tonkikh – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of laboratory, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: tonkihvnv@usue.ru)

Tatiana L. Markova – Candidate of Sciences (Sociology), associate professor of department, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: markova_tl@usue.ru)

Статья поступила 25.05.2026.